

Бай Цзыюй смотрел на него сияющим взором, и в золотистых прядях его волос играли яркие солнечные блики. Глядя на то, как весело прыгает этот мальчишка, можно было не сомневаться: бывшие раны давно затянулись. Уголки его губ упрямо ползли вверх, выдавая бурное ликование.

— Даос, неужто и вы решили посетить Великое состязание ордена? Пришли посмотреть на поединки? С нашей последней встречи... как вы поживали всё это время?

В тот раз, когда смерть дышала ему в лицо, Цю Чэньчжи спас его от неминуемой гибели. С тех пор юноша питал к своему спасителю глубочайшее почтение и искренне желал поблагодарить его лично, но судьба долго не сводила их вместе. И вот сегодня, среди суеты Великого состязания, Бай Цзыюй лицом к лицу столкнулся с тем, о ком грезил всё это время. Не помня себя от восторга, он приготовился излить душу этому прекрасному и невероятно одарённому мастеру, поведав обо всём, что накопилось на сердце.

Однако не успел он договорить, как из-за его спины раздался ядовитый, сочащийся издёвкой голос:

— О, поглядите-ка, кто тут у нас! Не тот ли это крошка-младший брат, которого на прошлом состязании сбили с ног при первом же столкновении, после чего он распустил сопли на глазах у всего ордена?

Бай Цзыюй мгновенно оцепенел. Лицо его вспыхнуло гневом, и он резко обернулся:

— Старший брат Се!

Позади него неспешной, вальяжной походкой шёл коренастый, крепко сбитый мужчина лет двадцати семи. На его лице играла глумливая ухмылка:

— Младший брат, я ведь всего лишь делюсь воспоминаниями. Ты же не собираешься снова разрыдаться от досады?

Сопровождавшие его ученики тут же захихикали, прикрывая рты ладонями.

Этого наглеца звали Се Мин. Будучи вторым личным учеником старейшины Наньхуа, он обладал неплохой силой, однако растрачивал её на мелкие пакости, упиваясь издевательствами над теми, кто стоял ниже его на пути культивации. Бай Цзыюй, по малолетству ещё не успевший укрепить свои основы, часто становился мишенью для его ядовитых нападок.

Десять лет назад, будучи семилетним ребёнком, Цзыюй впервые ступил на арену Великого

состязания и проиграл в первом же бою. Справиться с резкой болью от полученных ушибов мальчик тогда не сумел и беззвучно заплакал. Старшие наставники и другие ученики отнеслись к этому с пониманием — ведь он был совсем дитя. Но Се Мин уцепился за эту оплошность и с тех пор из года в год припоминал её, стремясь побольнее уязвить юношу.

И вот теперь, когда этот ничтожный эпизод вытащили на свет прямо перед взором человека, чьим благородством Цзыюй восхищался больше всего, юноша вспыхнул до корней волос. Задышавшись от стыда и ярости, он процедил сквозь зубы:

— Ты... Не думай, что принадлежность к пику шишу Наньхуа дарует тебе право творить всё, что вздумается!

— Ой-ой-ой! Как же страшно! — Се Мин театрально схватился за грудь, изображая ужас, хотя его ухмылка становилась всё гаже. — Совсем позабыл, что наш плаксивый младший брат — личный преемник самого главы ордена! Куда уж нам, простым смертным, перечить такому высокому лицу... Что дальше, побежишь жаловаться наставнику, утирая слёзы рукавом? Расскажешь, как злой старший брат обидел маленького Цзыюя?

— Ах ты!..

Молодому и прямодушному Цзыюю не хватало изворотливости, чтобы отразить эту низкую словесную атаку. Он лишь мелко дрожал от клокочущей внутри ярости, до белизны сжимая кулаки, на которых проступили синеватые венки.

Впрочем, Се Мин, при всей своей склонности задираť слабых, дураком не был. Он прекрасно понимал: бесправных учеников внешнего круга можно безнаказанно смешивать с грязью, но с личным учеником главы ордена подобные номера не пройдут. Рукоприкладство повлекло бы за собой суровую кару, поэтому он ограничивался лишь укусами исподтишка. А поскольку их вражда не выходила за рамки словесных перепалок, старейшины закрывали на это глаза, считая детской забавой. Лишённый поддержки старших, беззащитный перед этой подлостью Бай Цзыюй мог лишь бессильно копить обиду.

Видя, что юноше нечем крыть, Се Мин возликовал ещё сильнее. Он уже прищурился, собираясь выплюнуть очередную порцию яда, как вдруг его взгляд зацепился за крону раскидистого платана. Густые брови мужчины поползли к переносице.

— Кто там прячется?

Увлёкшись травлей, он поначалу не обратил внимания на росшее рядом дерево, но теперь, сделав несколько шагов вперёд, сквозь изумрудную листву разглядел безупречно белый край чьего-то одеяния.

Се Мину оставалось сделать всего полшага, чтобы сформировать Золотое ядро, однако он простоял здесь столько времени и не учуял ни единого признака чужого присутствия!

Незнакомец словно растворился в самом дыхании природы, сделавшись невидимым для чужого восприятия.

Лицо наглеца мгновенно посуровело. Осторожно ступив вперёд, он смиренно произнёс:

— Почтенный старейшина изволит отдыхать в этой тени? Если этот ничтожный младший потревожил ваш покой, я сию же секунду удалюсь.

Несмотря на внешнюю почтительность, Се Мин крался всё ближе, силясь разглядеть сквозь листву лицо таинственного гостя.

Бай Цзыуй тут же преградил ему дорогу, встав живым щитом:

— Разве ты не собирался убраться отсюда, Се Мин? Зачем продолжаешь вертеться под ногами?

Се Мин смерил его пренебрежительным взглядом. Поскольку незнакомец на дереве никак не выказывал своего раздражения — что было совсем не похоже на капризных и скорых на расправу великих мастеров, — страх в душе задиры понемногу утих.

— Ишь ты, — усмехнулся Се Мин. — Неужто наш маленький брат водит дружбу с этим господином?

— Это мой близкий друг, — отрезал Цзыуй с ледяной миной. — Какое тебе до этого дело?

«Всего лишь приятель этого недоноска...» — мысленно расхохотался Се Мин, коря себя за излишнюю трусость. В самом деле, откуда здесь взяться великим старейшинам? Да и какой уважающий себя бессмертный снизойдёт до дружбы с шестнадцатилетним сопляком? Обыкновенный проходимец, решивший напустить на себя загадочности.

Мгновенно растеряв всю свою напускную вежливость, Се Мин развязно ткнул пальцем в сторону кроны:

— Раз это твой приятель, чего он там затаился, точно вор в ночи? Пусть спускается, покажется честному люду! Или смелости хватает только прятаться?

— Да как ты смеешь!..

Хамство Се Мина перелилось через край. Цзыуй, задыхаясь от ярости, уже готов был броситься на обидчика с мечом, но в этот миг прохладная, изящная ладонь мягко опустилась на его плечо, удерживая на месте.

Юноша замер. Медленно обернувшись, он устремил взгляд на того, кто возвышался за его спиной — статного, стройного, точно горная сосна или благородный журавль.

— Даос?.. — робко позвал он.

Цю Чэньчжи ласково посмотрел на него и едва заметно качнул головой, без слов призывая к спокойствию.

«Их же целая толпа, глупый ты ребёнок. Ринешься на них напролом — и от тебя мокрого места не оставят», — мысленно вздохнул старейшина Цю.

Ну почему этого славного золотистого щенка вечно кто-то задирает до слёз?

Слегка нахмурившись, Цю Чэньчжи перевёл взгляд на обидчиков.

В этот момент Се Мин и его прихвостни замерли как вкопанные, не в силах отвести глаз от спустившегося незнакомца.

Они-то рисовали в своём воображении уродливого труса со шныряющим взглядом, но представшая перед ними картина лишила их дара речи. Фигура скользнула с ветви плавно и беззвучно, словно испуганный лебедь, парящий на невидимых потоках ветра. Облик незнакомца дышал безупречной, поистине неземной красотой. Вся компания разом притихла, подавленная этим величием.

Первым обрёл дар речи Се Мин. Окинув новоприбывшего оценивающим взглядом, он тут же впился глазами в его одеяния. Цю Чэньчжи был облачён в простую, ослепительно белую мантию без единого узора на рукавах. Лишь на поясе его покоился длинный, узкий меч в тёмных ножнах.

В груди Се Мина мгновенно разлилось злорадное облегчение.

Каждый ученик Ордена Великого Небытия знал: одежды старейшин и главы украшены золотым шитьём, у личных преемников рукава и пояса оторочены тонким алым кантом, а внутренний круг носит одеяния с дымчатыми узорами облаков. И лишь безродные, не имеющие заступников адепты внешнего круга довольствовались скудной, глухой белизной.

И хотя покрой одеяний этого красавца не совсем походил на стандартное платье внешних учеников, от него не исходило ни малейшего колебания духовной энергии. В мире совершенствующихся такое могло означать лишь два исхода: либо перед ним стоял великий патриарх, достигший вершины бессмертия и обуздавший свою ауру до абсолютного покоя, либо обыкновенный смертный, обделённый духовным даром.

Разумеется, Се Мин, ослеплённый самонадеянностью, тут же склонился ко второму варианту.

Слегка кашлянув, чтобы скрыть мимолётное замешательство перед чужой красотой, он приторно улыбнулся и обратился к Цзыюю:

— Младший брат, где же ты раздобыл такого прелестного друга? Что же ты не познакомишь его со своим старшим братом?

С этими словами он бесцеремонно шагнул вперёд, протягивая руку, чтобы коснуться тонких пальцев Цю Чэньчжи.

«Это ещё что за вольности?» — изумился про себя Цю Чэньчжи.

Брезгливо покосившись на волосатую клешню, тянущуюся к нему, он плавным, почти ленивым движением высвободил меч и с силой опустил ножны прямо по чужим пальцам.

— Ш-ш-ш!..

Зашипев от резкой боли, Се Мин отдёрнул руку. На его смуглой тыльной стороне ладони мгновенно вздулась багровая полоса.

— Ух, какой строптивый... — плотоядно пробормотал он под нос и снова попытался придвинуться ближе.

Терпение Цзыюя лопнуло. С мелодичным звоном сталь покинула ножны, и юноша заслонил собой гостя:

— Се Мин, ты совсем ум потерял?!

Услышав, что тот отбросил всякое почтение и назвал его по имени, обидчик помрачнел. Потирая ушибленную руку, он процедил:

— Смотрю, ты совсем страх потерял, младший брат. Смеешь так разговаривать со старшим?

Сверкающее остриё меча не смутило наглеца. Напротив, он двинулся вперёд, намеренно наступая на клинок и нависая над юношей:

— Совсем недавно твой Третий старший брат лишился статуса личного преемника и был заточён на целое столетие за то, что поднял руку на соученика...

Се Мин глумливо перехватил пальцами холодное лезвие и прижал его к собственному горлу:

— Что, неужто и ты жаждешь повторить его судьбу? Ну же, рискни.

— Ах ты, тварь... — Глаза Цзыюя налились кровью, дыхание перехватило. От неистовой ярости его разум помутился, и он уже заносил клинок для смертельного удара, забыв обо всех запретах ордена.

В это неуловимое мгновение Цю Чэньчжи бесшумно скользнул вперёд. Его рука легла на плечо Цзыюя, и прежде чем юноша успел хоть что-то осознать, его мягко, но непреклонно отодвинули в сторону.

Оказавшись в стороне, тот застыл с выражением глубокого недоумения на лице — точь-в-точь брошенный щенок, не понимающий, за что его прогнали.

— Даос?.. — растерянно прошептал он.

Се Мин довольно осклабился и вновь протянул лапу к белоснежному рукаву:

— Вот видишь, всегда найдутся разумные люди, способные уступить силе... С-с... а-ах!

Слова застряли у него в горле. Мужчина отпрянул назад столь стремительно, словно его ужалила змея, но избежать карающей стали не успел.

Клинок покинул ножны с чистым, кристальным звоном. Вспышка света, ослепительная, как полдень, и леденящая, точно первый осенний заморозок, рассекла полумрак. Одним слитным, безупречным выпадом Цю Чэньчжи прижал Се Мина к земле, не оставив ему путей к спасению.

Ощувив у самого горла ледяное дыхание смерти, наглец покрылся испариной. Позабыв о всяком достоинстве, он рухнул ничком и покатился по земле, собирая грязь и сухую листву на своё парадное платье. Однако Цю Чэньчжи лишь слегка прищурился. Взмах кисти — и направление удара переменялось. Сверкающая сталь преследовала Се Мина неотступно, словно верная тень, не давая ни секунды передышки.

В душе Се Мина бушевало запоздалое раскаяние — он проклинал собственную слепоту, заставившую его пойти против скрытого дракона. Но отступить было поздно. Собрав всю волю в кулак, он улучил краткий миг затишья и резким движением призвал своё оружие. Этот меч, дарованный лично старейшиной Наньхуа, являлся редким духовным артефактом высшего класса, не раз спасавшим хозяину жизнь в жестоких схватках.

Почувствовав в руке привычную рукоять, он воспрянул духом. Страх отступил. Одним резким кувырком вскочив на ноги, Се Мин с криком бросился навстречу летящему клинку:

— Паршивый наглец! Вот одолею тебя — лично сдеру шкуру!

Сконцентрировав все свои духовные силы в острие оружия, он заставил лезвие вспыхнуть

холодным сиянием и обрушил удар на Цю Чэньчжи.

Раздался едва слышный сухой хруст.

Наглец даже не успел осознать, что произошло, как обломок его хвалёного меча со свистом пролетел мимо его уха и глухо звякнул, зарывшись в дорожную пыль.

В то же мгновение по его животу разлился ледяной холод. Когда Се Мин поднял безумный взгляд, белый силуэт противника уже замер в безупречной стойке. Цю Чэньчжи держал меч опущенным, в его глазах читалось равнодушие, а на сверкающей стали не осталось ни единой капли крови.

«Кровь...» — пронеслось в оцепеневшем разуме Се Мина.

Бледный как полотно, он стоял не шевелясь. Лишь спустя долгие секунды его подрагивающие пальцы потянулись к поясу. Стоило им коснуться ткани, как дорогой шёлк с шорохом разошёлся тончайшими лоскутами, обнажая кожу. Поперёк живота тянулась едва заметная, волосаяная багровая нить, из которой медленно проступали алые капли.

Прямо на глазах у потрясённых зрителей эта тонкая черта разошлась шире, обнажая зияющую плоть. Чудовищная рана рассекла его тело почти надвое; хлынувшая кровь мгновенно пропитала белоснежные одежды. Завыв от нечеловеческой боли, Се Мин рухнул на колени, а затем повалился в грязь. Он катался по земле, содрогаясь всем телом, умываясь слезами и соплями от раздражающей его муки.

Его прихвостни онемели от ужаса. Сделав синхронный шаг назад, они в панике уставились на спокойного, ничуть не изменившегося в лице Цю Чэньчжи.

Насколько же стремительным должен быть выпад, чтобы сотворить подобное?..

Се Мин стоял на пороге обретения Золотого ядра. Даже в тренировочных поединках с самим старшим братом Мо Ханем он мог продержаться сотню раундов! Но здесь... его сокрушили единым росчерком клинка, точно беспомощного младенца.

Кто же этот грозный мастер?

Не обращая внимания на испуганные взгляды, Цю Чэньчжи аккуратно стряхнул пылинки с рукава и неторопливо убрал оружие. Всё это время он пристально наблюдал за тренировками Мо Ханя, перенимая его манеру боя. Но кто бы мог подумать, что первая же попытка применить эти знания на практике окажется столь сокрушительной?

«А этот заносчивый Мо Хань действительно мастер своего дела», — мысленно признал он.

Впрочем, победа далась легко ещё и из-за ничтожности самого противника. Бросив короткий взгляд на воющего в пыли Се Мина, Цю Чэньчжи едва заметно вздохнул. Как и положено глупым задирам в приключенческих романах, этот субъект оказался типичным пушечным мясом с соответствующими способностями. Так что гордиться тут особо нечем — глупо переоценивать себя после победы над слабаком.

Нанося удар, Цю Чэньчжи уберёг наглеца от гибели — рана выглядела жутко, но не задевала жизненно важных органов. Убедившись, что выскочка выживет, он потерял к нему всякий интерес и направился к застывшему от изумления Бай Цзыюю. Его ладонь вновь мягко опустилась на плечо юноши.

Бай Цзыюй поднял на него совершенно невидящий взгляд.

Цю Чэньчжи кивнул в сторону ползающего в луже собственных слёз Се Мина и спокойно произнёс:

— Он ревёт куда громче твоего. Тебе больше нечего стыдиться.

Юноша захлопал ресницами, и лишь спустя мгновение до него дошёл истинный смысл этих слов. Его благородный спаситель имел в виду, что позор Се Мина, размазывающего сопли по лицу на глазах у десятков свидетелей, стократ превосходит давнюю детскую слабость самого Цзыюя. А значит, отныне никто не посмеет смеяться над ним.

От этой простой, но такой важной поддержки в горле у юноши встал ком, а глаза предательски заблестели. Он порывисто опустил голову, борясь с нахлынувшими чувствами, но уже в следующую секунду резко вскинулся и ухватил Цю Чэньчжи за рукав, настойчиво подталкивая прочь:

— Даос, тебе нужно немедленно уходить! Прошу, беги!

Цю Чэньчжи лишь мысленно развёл руками.

«Полно тебе, малец! Я только что избавил тебя от обидчика, а ты выставляешь меня взащей, даже не поблагодарив?»

Однако паника Бай Цзыюя росла с каждой секундой, и он толкал своего спасителя всё настойчивее:

— Даос, здесь нельзя оставаться! Беги к моему Старшему брату... нет, лучше сразу к моему наставнику! Только он сможет защитить тебя!

Прихвостни Се Мина наконец опомнились от оцепенения и загалдели наперебой:

— Держите его! Не дайте ему уйти!

— Он покусился на жизнь любимого ученика старейшины Наньхуа! Если этот негодяй сбежит, гнев учителя падёт на наши головы!

— Младший брат Бай, ты что, укрываешь преступника?!

— Хватайте его, живее!..

Но сколько бы они ни кричали и ни пихали друг друга, никто не осмелился сделать и шага навстречу Цю Чэньчжи. Безупречный и беспощадный взмах его меча выжёл в их душах первобытный страх.

Понимая, что медлить нельзя, Цзыюй крепко сжал запястье Цю Чэньчжи, намереваясь призвать летающий меч и унести их обоих прочь.

Однако не успел он призвать клинок, как небесный свод содрогнулся от яростного, раскатистого возгласа. Голос, подобный удару грома, заставил сердца присутствующих сжаться от благоговейного ужаса:

— Кто посмел устроить беспорядки в день Великого состязания ордена?!

<http://bllate.org/book/20750/2112772>